

Н. Н. ДУРНОВО

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ЯЗЫКА

STUDIA PHILOLOGICA

ББК 81.031
Д 84

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16323

Дурново Н. Н.

Д 84

Избранные работы по истории русского языка. – М.:
Языки русской культуры, 2000. – I-XXXVI, 780 с. – (Studia
philologica).

ISBN 5-7859-0097-1

В настоящий сборник вошли работы Н. Н. Дурново по истории славянских языков, главным образом церковнославянского, опубликованные в трудно доступных для широкого круга читателей изданиях и не переиздававшиеся в советское время. Эти работы остаются актуальными и в настоящее время: ученые, не знакомые по тем или иным причинам с идеями Н. Н. Дурново в области исторической славистики, продолжают придерживаться в своих исследованиях положений, которые Н. Н. Дурново уже в свое время признал неверными и бесперспективными для науки о языке.

Это касается прежде всего методики анализа памятников древней письменности, когда из рукописей извлекаются отдельные примеры, предположительно отражающие реальное произношение писца, и при этом недооценивается или полностью игнорируется специфика норм языка книжного. Вопросам формирования норм местных “литературных” языков, главным образом церковнославянского русского извода, Н. Н. Дурново уделяет особое внимание. Учет этих норм, понимание их специфики, как показывают исследования Н. Н. Дурново, позволяют гораздо глубже оценить значимость накопленных его предшественниками фактов, отражающих живое древнерусское произношение.

Новаторством Н. Н. Дурново была также концепция старославянского как литературного языка – в отличие от младограмматической традиции, считавшей старославянский лишь письменной фиксацией одного из болгарских говоров. В результате взаимодействия старославянского языка и местных славянских говоров, к которым он “приспосабливается”, образуются отдельные славянские “литературные диалекты” – церковнославянский язык отдельных изводов, который в дальнейшем претерпевает всюду сложную эволюцию. Представление Н. Н. Дурново о церковнославянском языке как о живой и развивающейся системе также противоречило взглядам его предшественников.

Как уже было сказано, идеи Н. Н. Дурново остаются актуальными и сейчас. Можно надеяться, что настоящая публикация будет полезна многим исследователям.

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства “Языки русской культуры”, имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0097-1

9 785785 900974 >

© В. М. Живов. Предисловие, 2000
© А. В. Головачева, С. В. Петрова, П. В. Петрухин.
Перевод на рус. яз., 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>В. М. Живов. Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания</i>	VII
--	-----

Очерк истории русского языка	1
---	---

С т а т ь и

К вопросу о языке Киевских листков	341
К истории звуков русского языка	350
К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола	368
Рефлекс *sk в славянских языках (перевод с французского С. В. Петровой)	383
Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка	391
Спорные вопросы общеславянской фонетики	
1. Начальное <i>e</i> в общеславянском языке	495
2. Гласные из <i>ep, et</i> перед носовыми в общеславянском	542
Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов	566
Мюнхенский алфавитарий	613
К вопросу о времени распада общеславянского языка	624
Русские рукописи, различающие древнее «акутированное» <i>o</i> и о другого происхождения (перевод с французского С. В. Петровой)	638
Славянское правописание X—XII вв.	644
Еще раз о ст.-сл. <i>кужь</i> (перевод с немецкого А. В. Головачевой)	683
О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах (перевод с немецкого А. В. Головачевой)	685
Старославянское <i>пѣгъгити</i> (<i>пѣгъгити</i>) (перевод с польского А. В. Головачевой)	690
К вопросу о старославянском языке (перевод с немецкого П. В. Петрухина)	694

Рецензии

Архангельское Евангелие 1092 года. Издание Румянцевского музея. М., 1912	703
Ст. М. Кульбакин. Палеографска и језичка испитивања о Мирославъевом јеванђељу.	708
С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке.	719
В. М. Истрин. Книгы временигы и шразигы Георгия мннха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе .	735
<i>Библиография к «Избранным трудам Н. Н. Дурново».</i>	755
<i>Список памятников</i>	768
<i>Условные сокращения.</i>	778

Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания

Николай Николаевич Дурново родился 23 октября (4 ноября) 1876 г. в деревне Парфенки Рузского уезда Московской губернии в семье Николая Николаевича Дурново-старшего. Его отец был известным церковным публицистом и издателем довольно консервативного направления, писавшим, в частности, не без славянофильских тенденций по вопросам православия у славян и на христианском востоке. Матерью Н. Н. Дурново была Елизавета Ивановна Вельменинова, которой и принадлежала деревня Парфенки; отец же был небогат и никакой земельной собственности не имел. Н. Н. Дурново был старшим из трех братьев, хотя именно он в наследство получил одного кота.

В 1895 г. Н. Н. Дурново окончил 6-ю московскую гимназию с серебряной медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь его интересы были сосредоточены вокруг древнерусской литературы, в области которой его учителем был М. И. Соколов, и языкознания — Московскую лингвистическую школу возглавлял Ф. Ф. Фортунатов. В своей биографии 1904 г. Дурново писал: «На выбор специальности оказали влияние интересы отца и его библиотека, заключавшая много книг по церковным и политическим вопросам, по славянской этнографии и истории и истории государства и права» (Сумникова 1995, 74). Тогда же, по словам Дурново, развился его «интерес к классическим писателям и языкознанию. Интерес к диалектологии поддерживался жизнью в имении» (там же). В 1899 г. Дурново окончил университет с дипломом первой степени и был оставлен при кафедре русской словесности для подготовки к магистерскому экзамену; и здесь его руководителями были М. И. Соколов и Ф. Ф. Фортунатов.

В годы магистратуры Дурново активно занимается русской диалектологией и древнерусскими литературными памятниками. Он публи-

кует «Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии» (Дурново 1900—1903), содержащее монографическое описание говора не только в его отличиях от литературного языка, но как законченной системы. В 1901 г. Дурново вместе с другими учениками Фортунатова (Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым и др.) организует Кружок по изучению истории и диалектологии русского языка, который в 1903 г. преобразуется в Московскую диалектологическую комиссию при Отделении языка и словесности Академии наук; работой комиссии руководит Ф. Е. Корш, ее поддерживает А. А. Шахматов. Забегая вперед, стоит заметить, что русская диалектология как научная дисциплина и была создана работами Комиссии; по составленным членами Комиссии (прежде всего Дурново) программам для собирания сведений о русских говорах обследовались диалекты большинства губерний Европейской части России, и на основе этих сведений была создана классификация восточнославянских диалектов и составлена диалектологическая карта русского языка в Европе. Это было, однако, уже позже, в 1914 г., а в 1903 г. Дурново издает «Диалектологическую карту Калужской губернии», важную как первый для Дурново опыт лингвистического картографирования.

В 1904 г. после сдачи магистерских экзаменов и пробных лекций Дурново становится приват-доцентом Московского университета. Он читает курс диалектологии русского языка, ведет занятия по современному русскому языку и просеминарий по древнерусской литературе. Хотя по видимости ученая карьера Дурново складывается достаточно гладко, он сталкивается с постоянными трудностями жизнеустройства. Как замечает Т. А. Сумникова, «[п]риват-доцентское жалование в университете, к тому же при неполной и непостоянной нагрузке, не обеспечивало нормальной жизни даже неженатого человека, и Н. Н. Дурново вынужден был преподавать еще в двух частных гимназиях. Работа в МДК велась на общественных началах. Лишь в 1906 г. Н. Н. Дурново, будучи ученым секретарем комиссии, получил стараниями А. А. Шахматова от Отделения русского языка и словесности стипендию в 900 руб. с ежемесячной выплатой „для поддержания научной деятельности“ [...] В 1906 г. Н. Н. Дурново женился на соседке по имению, дочери состоятельных помещиков Рукиных — Екатерине Евгеньевне. Ее письма к мужу за 1909—1910 гг. полны сетований на нехватку необходимого: „... дело было... в вечном безденежье“, „живем впроголодь“» (Сумникова 1995, 77—78).

В силу этих обстоятельств Дурново в 1910 г. перешел в Харьковский университет, оставаясь приват-доцентом и ведя одновременно преподавание на Высших женских курсах и в двух частных гимназиях. Как свидетельствует семейная переписка (Сумникова 1995, 78), в материальном отношении положение его улучшилось лишь незначительно, а в жизни возникли новые трудности; например, Дурново еженедельно ездил из Харькова в Москву на заседания Московской диалектологической комиссии. В 1912 г. Дурново пытается вернуться в Москву и занять должность «инспектора народных училищ в г. Москве или в одном из участков Московской губернии» (там же), однако получает отказ, обусловленный, по предположению Т. А. Сумниковой, политическими причинами — дальним родством Н. Н. Дурново с П. Н. Дурново, в 1905—1906 гг. министром внутренних дел, позднее статс-секретарем, сенатором и членом Государственного совета, известным своими консервативными убеждениями. Сыграло ли действительно роль это дальнее родство, при том что реальных отношений с петербургскими сановниками у Н. Н. Дурново не было, а род Дурновых был многочислен и никаким родовым единством не отличался, остается неясным, однако более конкретный политический подтекст все же мог существовать.

О политических симпатиях Н. Н. Дурново нам мало что известно. В анкете арестованного 1933 г. говорится: «В партиях не состоял. В политических выборах не участвовал. Политической деятельностью не занимался» (Ашнин и Алпатов 1993, 54). Семья, однако, была монархической, православной, чуждой не только каких-нибудь радикальных увлечений, но и кадетского либерализма. Нет никаких оснований думать, что политическая ориентация ученого существенно расходилась с ориентацией его близких¹. Весьма показательна в этом пла-

¹ Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов характеризуют политические взгляды Дурново как «либерально-демократические и чуждые крайностей, что проявляется и в его документах 30-х годов» (Ашнин и Алпатов 1993, 56). Для этого, кажется, нет никаких оснований, кроме собственных либеральных пристрастий авторов. Документы 30-х годов, т. е. протоколы допросов и показания прокурору Акулову 1934 г., вряд ли были теми бумагами, в которых Дурново мог и хотел подробно изложить свои воззрения тридцатилетней давности. На допросах он упоминает, что «[б]ыл членом „Союза 17 октября“ в 1906 г. В 1907 г. отошел от практической работы в виду несогласия с программой» (Сумникова 1995, 79; Ашнин и Алпатов 1994, 19). В чем состояло несогласие с программой октябристов, Дурново не указывает.

не его позиция в отношении студенческих беспорядков 1905—1906 гг. В бумагах Дурново сохранилась записка к нему семи студентов-филологов: «[П]росим Вас освободить нас от Вашего присутствия на лекциях Миллера и Кирпичникова, так как после прошлогоднего известного Вам инцидента считаем оскорбительным для себя пребывать в одной аудитории с Вами» (Сумникова 1995, 80). Инцидент состоял, как можно понять, в том, что Дурново назвал бастующих студентов негодьями². Такая реакция была редкостью среди университетских преподавателей, настроенных, как правило, либерально и в той или иной степени сочувствовавших студентам. Позиция Дурново была явно ближе позиции А. И. Соболевского, резко выступавшего против студенческих комитетов, чем позиции либеральной профессуры (о конфликтах в академической среде этого времени см.: Пуришкевич 1914). Никак не свидетельствует о каких-либо симпатиях к либерализму деятельность Дурново в земских учреждениях или в качестве помощника предводителя дворянства (см. об этой общественной деятельности Дурново: Сумникова 1995, 81—82). Политические позиции подобного типа могли сыграть роль в судьбе Дурново: и в академической, и в учебной, и в художественной среде господство либерализма обращалось в преследование несогласных.

Как бы то ни было, в 1915 г. Дурново все же вернулся в Москву, хотя работа приват-доцента никак не избавляла его от материальных

Т. А. Сумникова предполагает, что это было вызвано изменением программы октябристов «в сторону царизма» на 2-м съезде партии в 1907 г. (Сумникова 1995, 81). Столь же правдоподобны, однако, и прямо противоположные основания. Отец Дурново и его братья вступают в Союз русского народа, находившийся существенно справа от октябристов, видимо, в силу разочарования в октябристском реформизме и реакции на либерализм. В 1906 г. брат Н. Н. Дурново Михаил Николаевич пишет ему о земском собрании в Рузском уезде: «Почему кадеты взяли такой верх?—больно стало от такой вести» (Сумникова 1995, 80),—и, видимо, рассчитывает на сочувствие брата. Так что расхождение с октябристами, если оно вообще было, могло быть справа, а не слева. Не исключено, однако, что после катаклизмов 1905—1906 гг. Дурново просто отстраняется от партийного противоборства.

² В архиве Дурново сохранилась его объяснительная записка об инциденте со студентом Яковлевым, который назвал Дурново подлецом и толкнул его из-за того, что Дурново накануне в разговоре нелестно отозвался о бастующих студентах. Дурново писал: «Я нахожу, что Яковлев имел такое же право обругать меня подлецом, какое я имел право назвать бастующих студентов негодьями» (Сумникова 1995, 80).

трудностей (см.: Сумникова 1995, 79). После смерти Ф. Е. Корша в 1915 г. председателем Московской диалектологической комиссии стал Д. Н. Ушаков, а Дурново сделался его заместителем. В 1916 г. он наконец защитил магистерскую диссертацию, ею стала его фундаментальная работа «Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории Повести об Акире» (Дурново 1915). Как именно он пережил 1917 год, мы сведениями не располагаем. В 1918 г. открылся университет в Саратове, куда перешел ряд профессоров Дерптского университета, в новом университете Дурново получил по конкурсу должность профессора и уехал в Саратов вместе с семьей и отцом. 13 октября этого же года Дурново в Петроградском университете защитил докторскую диссертацию, которой стали его «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров».

В Саратове Дурново пробыл недолго. Осенью 1920 г. Поволжье охватила голод, и университет, приютивший многих видных ученых, начал распадаться. В 1921 г. Дурново покидает Саратов и переезжает в Москву, хотя в Москве у него никакой работы не было. Вообще, по многим свидетельствам, Дурново был непрактичен и лишен всякой житейской цепкости, и в условиях большевистского режима ему от этого приходилось особенно тяжело. Д. Н. Ушаков ввел Дурново в комитет по составлению общедоступного словаря русского языка, однако этот комитет просуществовал лишь до 1923 г., да и жалование было весьма скромным. В 1923 г. Дурново остался вовсе без работы. Как он позже показывал на допросе, «[с] 1923 г. по VIII.1924 г. работал в качестве товарища председателя Московской диалектологической комиссии и занимался научной работой» (Ашнин и Алпатов 1994, 20). В это время Дурново издает три книги: «Повторительный курс грамматики русского языка», «Грамматический словарь» и «Очерк истории русского языка» — и пытается источником пропитания сделать научную работу. Вообще же тяжелые обстоятельства способствовали парадоксальным образом интенсивности ученого труда; именно в этот период Дурново обследует восточнославянские рукописи XI—XII вв., и собранные при этом данные служат материалом для его позднейших работ по истории книжного (церковнославянского) языка. В 1924 г. Дурново избирают членом-корреспондентом Академии наук — конфликты между либералами и консерваторами явно перестают быть актуальными перед лицом большевистской диктатуры, а Академия еще сохраняет некоторую независимость.

В 1924 г. Дурново уезжает из России. В своих показаниях 1933 г., цитируемый фрагмент которых кажется вполне достоверным, он писал: «В конце 1923 г. из-за ликвидации комитета по составлению общедоступного словаря русского языка я остался без работы. В таком положении я был и в 1924 г. Неопределенность моего положения и мое отрицательное отношение к Советской власти привели меня к решению искать возможности для выезда за границу. В августе 1924 г. я получил гонорар за мои книги „Очерк истории русского языка“ и „Повторительный курс русской грамматики“. Мне удалось получить от Академии наук командировку в Чехословакию на 4 месяца, и я выехал за границу. Я ехал с твердым намерением в Советскую Россию не возвращаться и остаться в эмиграции» (Ашнин и Алпатов 1994, 20). Дурново эмигрировал, но благополучия не нашел и в эмиграции. Во-первых, он надеялся, что за ним последует его семья, однако советский режим отказал им в разрешении на выезд. Во-вторых, перспективы устроить жизнь в Чехословакии были неутешительны. В период между двумя войнами Чехословакия более других стран старалась помочь эмигрировавшим из России ученым, однако ее возможности были ограничены, и для всех места не находилось.

О Дурново хлопочет Р. О. Якобсон, бывший его учеником и работавший в то время в советском полпредстве в Праге. Дурново получил пособие для русских эмигрантов от чехословацкого министерства иностранных дел, Чехословацкая академия предоставила ему средства для диалектологической поездки в Закарпатье. Наконец, на весенний семестр 1926 г. он был приглашен философским факультетом университета им. Масарика в Брно в качестве профессора-гостя; переработкой этих лекций стала его книга «Введение в историю русского языка», изданная в 1927 г. в Брно (Ашнин и Алпатов 1994, 21). Это, собственно, и были все успехи в Чехословакии. Дурново оказался в эмиграции без семьи и без постоянной работы. 17 мая 1927 г. он пишет Б. М. Ляпунову: «Мое материальное и семейное положение начинает становиться катастрофическим, и я совершенно не могу представить, когда я буду иметь финансовую возможность вернуться из своей просроченной за отсутствием средств заграничной командировки» (Робинсон и Петровский 1992, 69). В этих условиях Дурново и решает вернуться в Советский Союз.

Подтолкнуло его к этому предложение работать в Белоруссии, в Белорусской академии наук, которое сделал ему П. А. Бузук. В Бело-

русии активно создавали национальную культуру и, соответственно, национальную филологию, и столь крупный ученый, как Дурново, был для них неоценимым приобретением. Дурново избирают академиком незадолго перед тем созданной Белорусской академии наук, и в феврале 1928 г. он переезжает в Минск, где получает место как в Институте белорусской культуры, так и в университете. Пришедшее здесь относительное благополучие было призрачным и кратковременным. С начала 1930-х годов Сталин начинает построение коммунистической империи, и национальные культуры, равно как и вся система гуманитарного образования и науки, должны были вписаться в новую коммуно-имперскую парадигму. В национальной политике это означало прекращение того строительства автономных национальных культур, которое стимулировалось самими же большевиками в предшествующий период — тогда в противовес русской национальной традиции; перемена же политики воплощалась прежде всего в уничтожении основных деятелей, проводивших более ранние установки. В области науки и образования новая линия реализовалась в реформировании и полном подчинении партийному руководству старых институций, которые теперь должны были обслуживать культурную политику советской империи. Ученым предстояла перековка; забракованных для перековки уничтожали, как сорняки, по возможности вместе с памятью об их делах и трудах.

Первый этап осуществления новой политики был ознаменован процессом Промпартии, «делом историков» (С. Ф. Платонов и др.), арестами по делу Трудовой крестьянской партии (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов; процесс не состоялся, но арестованные отправились в лагеря и тюрьмы), борьбой с «буржуазными националистами» (аресты в национальных республиках; процесс «Союза освобождения Украины» в Харькове в 1930 г.). В Белоруссии с 1929 г. расправлялись с так называемыми «нацдемами» (национальными демократами), и те, кто еще не был арестован, торопились избавиться от подозрительного окружения. Дурново был исключен из Белорусской академии³, оставаться в Мин-

³ Нет нужды специально указывать, что никакого отношения к белорусскому национальному движению Дурново не имел, а к деятелям белорусского национального строительства, в 1920-е годы санкционированного большевиками, относился достаточно скептически. Так, например, из Минска он писал Б. М. Ляпунову: «Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской „Академии Наук“ [...] Их белорусский патриотизм часто выливается в

ске было опасно и невозможно, и в начале 1930 г. он вновь возвращается в Москву. Однако тучи над русской наукой сгущались, и перспективы в Москве не было никаких. В 1930 г. его, правда, еще выдвигают в академики на место, освободившееся за смертью А. И. Соболевского, но эти попытки обречены на неудачу. Академия была совсем не той, что в 1924 г., когда Дурново избрали членом-корреспондентом. В 1929 г. в Академию пропихивают большевистскую пятую колонну: сначала Бухарина, Кржижановского и Губкина, затем Деборина, Фриче и Н. М. Лукина, а под конец Луначарского и В. П. Волгина, который сменяет С. Ф. Ольденбурга на месте неперменного секретаря. Изменения вносятся в устав Академии, появляются «материалистическое мировоззрение», «нужды социалистической реконструкции», и исключение из Академии тех членов, чья деятельность «направлена во вред Союзу ССР». Разматывается «дело историков», арестованы С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев, В. Н. Бенешевич, С. В. Бахрушин, С. В. Рождественский, А. М. Мерварт, Я. Н. Ростовцев, С. К. Богоявленский, В. И. Пичета (как и Дурново, академик Белорусской академии). Понятно, что ни кандидатура Дурново, ни кандидатура Л. В. Щербы не проходят, избранным оказывается Н. С. Державин, креатура большевиков (Переченок 1991). Звание члена-корреспондента никакой защитой больше не служит, скорее оно оказывается знаком беды.

Беда не заставляет себя долго ждать. Правда, еще три года Дурново перебивается в Москве, существуя на мизерную академическую пенсию и нерегулярные заработки («Карманный чешско-русский словарь», статьи в зарубежных журналах, чтение одного курса для аспирантов в Научно-исследовательском институте языкознания). Тем временем чекистская террористическая машина работает без перебоев. Деятели науки, промышленности, культуры усмиряют по разрядам, и в 1933 г. очередь доходит до филологов, преимущественно славистов. Н. Н. Дурново и его старший сын А. Н. Дурново (начинающий славист) были первыми жертвами. Поводом послужил оговор М. Н. Скач-

форму нелепого и вредного повинизма. Но они или большинство из них не шарлатаны» (Робинсон и Петровский 1992, 71). Именно последнее обстоятельство до времени утешало Дурново. Позже (в 1931 г.) Дурново обвинялся в том, что «выступал в своих работах, трактуя белорусский язык как наречие русского языка» и «заявлял, что марксизм не имеет и не может иметь никакого отношения к теории языка» (там же, 72). В этой травле принимал участие и пригласивший Дурново в Минск П. А. Бузук (там же, 73).

кова, знакомого Дурновых, арестованного по обвинению в участии в эсеровской организации и назвавшего Дурново «участником националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу» вместе с М. Н. Сперанским, Г. А. Ильинским и М. С. Грушевским (Ашнин и Алпатов 1994, 12). В ночь на 28 декабря 1933 г. Н. Н. Дурново и А. Н. Дурново арестовали, через три дня 31 декабря была арестована Варвара Трубецкая, невеста А. Н. Дурново и племянница Н. С. Трубецкого, еще через несколько дней ее отец, брат Н. С. Трубецкого, В. С. Трубецкой.

Подбор первого эшелона арестованных не был случайным. Для начинающегося «дела славистов» ОГПУ выбрало евразийский сюжет. Этот сюжет, видимо, был среди давних заготовок чекистов, поскольку многие евразийцы были их агентами. Евразийцы во главе с Н. С. Трубецким не только формулировали существенно новое понимание судеб России, сохраняющее определенное значение и по сей день, но и вынашивали некоторые политические амбиции. Они пытались образовать политическую организацию, централизованную и конспиративную, занятую пропагандой своих идей, причем не только в эмиграции, но и в Совдепии, где должно было расти число их сторонников. Политические игры не были безобидными, ОГПУ за ними наблюдало и готово было при случае использовать. Одним из таких случаев и стало «дело славистов».

Ни Н. Н. Дурново, ни большинство других обвиняемых никакого отношения к евразийству не имело и евразийских идей не разделяло⁴.

⁴ Исключением, возможно, был А. Н. Дурново. У него при обыске была изъята записная книжка под названием «Мысли для себя» с выписками из евразийских сочинений. Как замечают Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, эта книжка «была затем основным источником для формулировки в материалах дела „идейных основ“ „Российской национальной партии“» (Ашнин и Алпатов 1994, 13). Свидетельствуют ли эти выписки об усвоении евразийской идеологии или лишь отражают интерес молодого человека (А. Н. Дурново было 23 года) к новым историософским идеям, выяснить, конечно, невозможно.

Об отношении к евразийству Н. Н. Дурново будет сказано ниже. Вряд ли правы Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, полагая, что следователи по «делу славистов» были «явно не искушенным[и] в тонкостях евразийства» (там же, 58). Во всяком случае о такой неискушенности никак не свидетельствует определение евразийства как «русского фашизма». Непонятно, почему авторы книги о «деле славистов» считают, что «Н. С. Трубецкой всегда был противником фашизма» (там же). В 1920-е годы евразийская концепция идеократии несомненно ассоциировалась с

Подлинные убеждения никого, естественно, не интересовали. Подследственные обвинялись в создании антисоветской организации, которая ставила целью насильственное свержение советской власти, была связана с иностранными правительствами и зарубежными антисоветскими центрами и готова была на применение любых средств, включая террор. Идеологическая мотивация самостоятельной роли не играла и нужна была лишь для полноты картины. Техника получения нужных показаний была хорошо отработана в предыдущих процессах, и Дурново начал давать показания уже 6 января 1934 г., назвав целый ряд имен; часть из них была, видимо, подсказана следователями, во всяком случае в своих показаниях, написанных в Соловках и содержащих отказ от сделанных на следствии признаний, Дурново указывает, что «мне с самого начала было предъявлено обвинение в том, что я входил в организацию, возглавляемую Сперанским» (Робинсон и Петровский 1992, 78; Ашнин и Алпатов 1994, 109).

Следствие продолжалось недолго, и в конце марта появилось «Обвинительное заключение по спец. делу № 2554». Привлеченные к делу обвинялись по 58-й статье в создании контрреволюционной организации Российская национальная партия «по прямым указаниям заграничного русского фашистского центра, возглавляемого князем Н. С. Трубецким, Якобсоном, Богатыревым и другими», основными линиями деятельности которой являлись «вербовка кадров для организации», «создание повстанческих ячеек и приобретение оружия для организации», «вредительство», «террор» (Ашнин и Алпатов 1994, 70—72). Дело было представлено на рассмотрение коллегии ОГПУ, рассмотрено на заседании коллегии 29 марта 1934 г., и Н. Н. Дурново был приговорен к десяти годам заключения в исправтрудлагерь⁵. В апреле ме-

итальянскими социальными экспериментами, о которых Трубецкой нигде отрицательно не отзывался. Параллели между идеологией этих экспериментов и евразийством неединичны и неслучайны: в обоих случаях исходным моментом теоретических построений является постулат, согласно которому демократия (европейский парламентаризм) себя полностью изжила. Позднее Трубецкой отрицательно относился к немецкому нацизму, но это уже другое время и другое явление.

⁵ В части, относящейся непосредственно к Н. Н. Дурново, обвинительное заключение гласило: «1) Входил в состав центра контрреволюционной организации „Российская национальная партия“. 2) Был связан с руководителями русского национал-фашистского центра за границей — князем Трубецким Н. С. и Якобсоном, от которых получал директивные указания по работе националистических орга-

стом заключения были определены Соловки, куда он и был доставлен в середине мая того же года.

Сведения о пребывании Дурново на Соловках скудны. Он был помещен в «сторожевую» роту для инвалидов и поэтому на общие работы не выводился. В заключении он пытается заниматься научной работой, разбирая документы Соловецкого музея, пишет сербскохорватскую грамматику и пытается переслать ее в Москву, беспокоится о семье, слепнет, страдает от болей в сердце. Для историка более всего интересны обширные показания, которые Дурново дал в августе 1934 г., когда на Соловки приехал прокурор И. А. Акулов (публикацию этих показаний см.: Робинсон и Петровский 1992, 77—82; Ашнин и Алпатов 1994, 108—118). В них он отказывается от показаний, данных на следствии, прежде всего относящихся к существованию контрреволюционной организации, и излагает свои настоящие политические взгляды — видимо, с определенными ограничениями, налагаемыми жанром документа. Он пишет: «К идее коммунизма и принудительного коллективизма я относился отрицательно; но не менее отрицательно относился и к фашизму, не говоря уже о той форме, в какую он вылился в Германии. В то же время, однако, я признаю, что те формы государственного строя — абсолютизм, сословная монархия или республика, демократическая монархия или республика, какие существовали до окончания войны, являются формами отжившими, на что указывают перманентные правительственные кризисы во всех парламентских странах». Ни капитализм, ни коммунизм не представляются Дурново приемлемым социальным строем, «[а] возможно ли что-нибудь третье, я не знаю» (Робинсон и Петровский 1992, 78; Ашнин и Алпатов 1994, 109—110).

низаций в СССР. 3) За время своего приезда из-за границы привез полученную им от Трубецкого Н. С. нелегальную евразийскую литературу, в частности, сборник Трубецкого „К проблеме русского самопознания“. Распространял и популяризировал этот сборник среди участников организации и лиц, намеченных к вербовке. 4) Являлся инициатором созыва совещания участников организации по вопросам практической контрреволюционной деятельности. 5) Поддерживал связь с французскими интервенционистскими кругами в лице проф. Мазона. 6) Поддерживал связь с Чехословацкой миссией в Москве и через нее осуществлял связи с Яковсоном, информируя его о политическом положении в Советском Союзе, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—4, 58—11 УК РСФСР. Виновным себя признал полностью» (Ашнин и Алпатов 1994, 74).

Эти взгляды определяют отношение Дурново к евразийству. Он с самого начала говорит, что евразийскую теорию Трубецкого полностью не разделяет, а «из его политической программы» ценит «только критическую часть». Не разделяет Дурново прежде всего концепцию идеократии (см.: Трубецкой 1995, 428—435). «Примерами такого нового строя,— пишет Дурново,— является, с одной стороны, Советский Союз, с другой — фашистская Италия. По этому типу Трубецкой хочет построить и будущую конституцию Евразии. В Евразии должна установиться диктатура определенной партии; все дети и юношество будут воспитываться в государственных школах, где в них будет внедряться только одна идеология правящей партии. Наука, литература, искусство должны подчиняться директивам партии, другая идеология не должна допускаться [...] Насколько его критика аристократического строя мне казалась меткой, настолько положительная часть его программы меня не удовлетворяла и производила на меня, как на ученого, дорожащего свободой мысли, жуткое впечатление» (Робинсон и Петровский 1992, 79; Ашнин и Алпатов 1994, 112—114). Конфликт Дурново с Трубецким описан здесь, видимо, достаточно точно. Разделяя с Трубецким исходное для евразийства переживание заката Европы (ср.: Трубецкой 1995, 764), Дурново не готов принять предлагавшийся евразийцами новый порядок мира, реальный опыт которого Дурново получил при коммунистическом режиме; этот опыт приводит его в ужас.

Показания, данные в Соловках, облегчили, вероятно, совесть Дурново, но, естественно, не облегчили его участи. В докладной прокурора было сказано, что «Соловки на его убеждения не повлияли» и что он «связь с закордонными кругами евразийцев подтвердил» (Ашнин и Алпатов 1994, 119—120), и Дурново был оставлен отбывать наказание на Соловках. В 1937 г. дела заключенных и сосланных в предшествующий период пересматривались с целью ужесточения наказания, новых сроков, расстрелов. Н. Н. Дурново был приговорен к расстрелу особой тройкой УНКВД 9 октября 1937 г., 27 октября приговор был приведен в исполнение (Ашнин и Алпатов 1994, 133—134). 5 января 1938 г. был расстрелян в Ташкенте сын Николая Николаевича Андрей Николаевич Дурново. В том же году был арестован и расстрелян и младший сын ученого Евгений (Ашнин и Алпатов 1994, 136, 139). Коммунистические палачи истребили всех, кого могли, и надеялись, что не

оставили в этом мире не только людей, но и следа от них. Но Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им.

* * *

Н. Н. Дурново остался в славянской филологии весомо и бесспорно, его идеи и поставленные им проблемы принадлежат к основным достижениям восточнославянской диалектологии, истории славянских языков, русской грамматики, истории древнерусской литературы. Его работы продолжают быть нужными и читаемыми не только как источники для истории славянского языкознания, но и как необходимое пособие в каждодневной работе слависта. Это понятно, поскольку Дурново был открыт для новых идей, усваивал их критически и плодотворно, и эта интеллектуальная подвижность сообщает его трудам притягательную силу живой науки.

Для лингвистов Пражского лингвистического кружка Н. Н. Дурново был старшим коллегой, принадлежавшим скорее поколению их учителей, и, поскольку структурализм в свои юные годы был воинственен, пражцы с этим поколением воевали. Достаточно взглянуть на письма Н. С. Трубецкого Р. О. Якобсону, чтобы увидеть, какую напряженную неприязнь испытывали новаторы языкознания к приверженцам традиционных лингвистических методов, прежде всего к апологетам исторического метода. Трубецкой планировал кампанию против старшего поколения филологов как военную операцию. Знаменательно, что Дурново в число этих врагов не входил. Напротив, он был одним из главных собеседников пионеров структурализма, одновременно восприимчивым и критически вдумчивым. Если формально Дурново и не был членом Пражского лингвистического кружка, он был все же автором одной из частей Пражских тезисов (а именно четвертого, см.: Кайперт, 1999; см. ниже), и это побуждает рассматривать его как одного из основоположников современного славянского языкознания.

Дурново был в полной мере в курсе современного ему развития языкознания, хорошо понимал проблемы, обусловившие появление структурализма, и ни в малой степени не отрицал возможности структурных исследований. Однако Дурново обладал куда большим опытом конкретных диалектологических и историческо-лингвистических исследований, чем молодые новаторы, слишком большим интересом к

языковому узусу в его социальном и историческом варьировании, чтобы ограничить свои интересы исключительно «внутренним» изучением языка. История языка не была для него хаосом, убегающим от всякого системного описания, но динамической системой, которая и должна изучаться в своем системном качестве. Сказывались ли в подобном подходе принципы, усвоенные Дурново у его московских учителей (прежде всего Ф. Ф. Фортунатова), или знакомство с современной ему немецкой философией истории и культуры, трудно сказать однозначно. Бесспорно, однако, что Дурново понимал систему языка иным, нежели Соссюр, образом, не как множество элементов, упорядоченных исключительно своими отношениями друг к другу, но как коммуникативный механизм, выполняющий «внешние» — социальные и культурные — функции.

Откликаясь на концепцию Соссюра, Дурново в 1927 г. писал: «В последнее время некоторые языковеды придерживаются отрицательной точки зрения в отношении чисто исторического исследования языка. Они говорят, что основной целью научного языкового исследования является познание системы языка в целом. Этого же якобы можно достичь лишь при помощи синхронического, а ни в коем случае диахронического изучения языка, поскольку каждый язык только с синхронической точки зрения является целым, все члены которого находятся в тесной взаимосвязи и образуют одну реальную систему; изменения же, возникающие в языке с течением времени, не являются сами по себе изменениями языковой системы, а лишь отдельными фактами, часто случайными и не находящимися в какой-либо связи друг с другом» (Дурново 1969, 10).

Изложив основной постулат соссюровской концепции, Дурново продолжает: «Я убежден, что эти языковеды правы, когда они говорят о значении и цели научного синхронического языкового исследования, но я решительно не могу согласиться с их взглядом на сущность исторического развития языка; они представляют себе это развитие как ряд изменений, которые в то время, как нам кажется, что они касаются часто только единичных языковых фактов, все же неизбежно связаны со всей языковой системой и обусловлены этой системой. Поэтому история языка является не наукой об отдельных сепаратных изменениях в языке, а наукой об изменении самого языка как системы и является в науке о языке не менее важной частью, чем синхроническое изучение языка, поскольку они одинаково оперируют с языковой системой как целым» (там же).

К пониманию истории языка как структурной динамики Дурново, видимо, приходит постепенно. Это понимание он формулирует как ответ на сосюрдовскую дихотомию синхронии и диахронии, обобщающий его опыт работы с диалектным и историческим материалом. Основную роль, надо думать, сыграли здесь многолетние диалектологические разыскания Дурново, в процессе которых и формировалось его представление о диалекте как системе и о соотношении диалектов как соотношении систем. Проекция диалектных отношений на историческую ось закономерно приводит к концепции лингвистического развития как преобразований одной системы в другую. Подобное понимание отчетливо сказывается, например, в проводимом Дурново различении переходных и смешанных говоров. В введении к «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе», написанном Дурново совместно с Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым, говорится: «В смешанных говорах влияние другого наречия выражается в простых заимствованиях отдельных слов или даже форм, но не изменяет звукового строя говора. Смешанным в той или иной степени является всякий говор, переходным же далеко не всякий. В переходных — изменения звуковой стороны, возникшие под влиянием другого наречия, носят закономерный характер, так как в них заимствования из другого наречия послужили образцом для переработки звукового строя, иначе говоря, проведены в качестве фонетического закона по всему говору (т. е. по всем соответствующим случаям). Надо иметь в виду, что в результате таких фонетических изменений, какие происходят в переходном говоре, только случайно могли бы получиться фонетические черты вполне тождественные с чертами наречия, послужившего образцом для подражания; в действительности переходные говоры обыкновенно представляют отличия от тех говоров, к переходу в который они, так сказать, стремятся, между прочим именно в тех явлениях, которые возникли в них в силу подражания. Так, например, аканье переходных в.-р. говоров с с.-в.-р. основой отличается от ю.-в.-р. аканья, под влиянием которого оно возникло. Таким образом, переходный говор представляет собою третий, новый тип говора по сравнению с теми двумя, из которых он образовался» (Дурново, Соколов, Ушаков 1915, 1—2). Эту аргументацию Дурново повторяет и в позднейших своих работах (ср.: Дурново 1918, 6; Дурново 1924, 73—74).

Можно видеть, что хотя Дурново и сохраняет младограмматический дискурс, его занимают преобразования системного характера: разгра-

ничиваются именно случайные изменения (заимствование отдельных элементов) от изменений системных, преобразующих звуковой строй и создающих новые отношения между элементами языка,— именно взаимодействие элементов внутри системы порождает «новый тип говора», так что происхождение элемента (которое преимущественно интересовало традиционную историю языка) перестает определять его функциональный статус и быть основным предметом внимания. В конечном счете именно этот—системный—подход лежит в основании диалектологических трудов Дурново, лишь отчасти сказываясь в его ранних работах (таких как монографическое описание говора Парфенок Рузского уезда—Дурново 1900—1903— первое описание такого рода в русской диалектологии), но вполне проявляясь в поздних обобщающих исследованиях (например, в «Очерке истории русского языка»—Дурново 1924).

Вместе с тем для Дурново с самого начала были важны не только преобразования системы как таковые, но и те «внешние» условия, в которых они происходили и с которыми они были так или иначе связаны. Так, скажем, в рассуждении о переходных говорах читаем: «Возникновение переходных говоров, вызываемое влиянием одних говоров на другие, возможно в широком размере лишь при определенном культурном (образовательном, социальном, политическом) превосходстве одной части населения над другою. Понятно отсюда, что распространение переходных говоров в данном месте и в данный момент возможно лишь в одном направлении (от наречия более сильного в указанном отношении населения), и для изменения направления, для возникновения обратного влияния необходимо решительное изменение культурных отношений» (Дурново, Соколов, Ушаков 1915, 2). Таким образом, изучая диалектный узус, Дурново анализировал его в контексте культурных и социальных связей носителей языка (отдельные замечания о социо-культурных параметрах функционирования говора разбросаны и в его конкретных диалектологических работах). Системность, с его точки зрения, не означала единственности имманентного подхода, а существование внешних факторов изменения не противоречило его системности.

Эти воззрения на историю языка служат отправным моментом и для собственно историко-лингвистических работ Дурново, написанных в основном в 1920-е годы. Наиболее показательным в теоретическом отношении исследованием этого периода является доклад Дур-